

Представление «Snow Show», которое по ходу действия комментирует его создатель.

Снежный человек Вячеслав Полунин

Моск. новости - 2000 - 25-31 янв - с. 23

Премия «Триумф» привела в Москву самого необычного клоуна нашего времени, создателя популярного Асися — Вячеслава Полунина. Его «кочевая кибитка» (метафора чистой воды, поскольку даже бродячие артисты нынче путешествуют самолетом) была замечена в Канаде, Голландии, Англии и Франции. Спектакль Полунина, показанный в Москве, назывался «Snow Show». Чувство снега — шестое чувство русского человека.

— Это спектакль-роман. После лирической клоунады театра «Лицедеи» я пришел к трагической клоунаде. В чем-то пошел за Леонидом Енигбаровым, очень сильно на меня повлиял Чарли Чаплин. В домашней фонотеке хранится 91 его фильм. Потом наши пути «разошлись», хотя одного кадра из фильма «Огни большого города», где герой Чаплина дарит слепой девушке цветок, мне до сих пор достаточно, чтобы выскочить на сцену, как ошпаренному, и перевернуть весь мир. В «Snow Show» могут участвовать трое исполнителей или двадцать человек. Это неважно. Главное, что в центре спектакля находится клоун. Мы пытаемся создать абсолютный мир, вовлекая в него музыку и живопись. Тотальный театр клоунады.

Асися появился в традиционном желтом комбинезоне и мохнатых красных тапочках. Затем вышел персонаж Зеленый — антипод Асися в шинели и невообразимой шапке с ушами, которые, как крылья вертолета, подрагивали в такт.

— Зеленый и Желтый (так мы называем героев) вобрали в себя психологическую суть красок. Желтый — цвет Ван Гога, солнца и безумия, зеленый — покоя, гармонии с природой и отчасти депрессии. В них множество ассоциативных метафизических поворотов. Это правильное столкновение.

Когда на сцену выбегает пронзенный стрелами Желтый и исполняет пляску борьбы и боли, зрителю не до смеха. В номере, навеянном шедевром Фокина «Умирающий лебедь», Полунин пытается средствами пантомимы создать эквивалент классическому танцу. Подстреленный Асися бросается в зал, балансирует по спинкам кресел, его подхватывают участливо протянутые руки зрителей. Но нелепый желтый клоун падает навзничь, успевая смахнуть воображаемую пыль с подмостков, и тут мы замечаем меланхолического зеленого ангела с луком и стрелами. Он-то и подстрелил нашего желтого друга.

— Многие мои миниатюры спровоцированы любимыми шедеврами. Если танец клоуна, пронзенного стрелами, — это «Умирающий лебедь», то первый выход десятка «размноженных», двоящихся, троящихся асисей — это Магритт. Миниатюра, в которой стол, стул, лампа и я сам балансируем под острым углом, а затем обрушиваемся, навеяна «Черным квадратом» Малевича. Мне хотелось передать глубокий и емкий образ средствами клоунады. Финал, в котором маленький человек движется навстречу снежной буре, родился по ассоциации с операми Вагнера и «Королем Лиром» Шекспира. Мне вообще нравится выступать на оперных сценах, они помогают почувствовать масштаб соотношения человека и пространства.

Мы подошли к главному. Снег —

совершенно особая субстанция в спектакле Вячеслава Полунина. Он постепенно засыпает зрительный зал, покрывает кресла, пол, набивается в карманы, путается в волосах. Навстречу вы обнаружите в своей сумке небольшой сугробик этого театрального снега.

В финале первого действия на сцену выкатывается большой снежный ком, неторопливо скользит лыжник, мальчик везет за собой заснеженные домики, и откуда-то из-под колосников падает паутина из белоснежных волокон. Клоуны, подхватив ее края, накрывают весь зрительный зал невероятным белым покрывалом.

— Эту современную ткань вырабатывают какие-то китайские червячки. Эффект создаваемой таким образом невесомой паутины — фантастический. Однажды я подумал, как было бы потрясающе, если бы она накрыла все пространство зала. И каково это — находиться под ней. Оказалось, публика чувствует то же самое, что и я. И когда в это чувство втягиваются сотни и даже тысячи людей, сила его удесятелится. Зал становится единым целым — огромным существом с миллионом рук. Я очень люблю наблюдать это превращение. Ощущение нереальное, как от музыки.

Падающий снег рождает бесконечные ассоциации. Не знаю человека, который бы не восхитился при

виде огромных снежных хлопьев, необъятного белого пространства, застланного мглой. Последний раз мы выступали на Гавайях. Большинство зрителей, в особенности дети, снега никогда не видели и не трогали. Волшебство снегопада и игра со снегом для них — фантастическая реальность и аттракцион.

Пластика мимов не похожа ни на танец, ни на театр мимики и жеста. Они могут делать brutальные жесты и одновременно, изящно подтянув штанины комбинезона, невесомо двигаться на цыпочках. Их мимика усугубляется крупными мазками грима. Их поступки непредсказуемы. Они переводят нас на другой уровень созерцания. И поэтому истоки пантомимы Вячеслава Полунина хочется искать на Востоке.

— На Востоке сохранились лучшие традиции пантомимы. Я нахожусь под сильным влиянием театра Кабуки, долго занимался современным восточным театром «буто». Своему подсознательному стремлению к замедлению действия я нашел потом подтверждение у минималистов. Этот принцип провозглашал и Этьен Декру, учитель Марселя Марсо и Жана-Луи Барро: в минимуме действия — максимум выражения. Поэтому порой, экспе-

риментируя, я стою несколько минут молча и неподвижно. В это время между залом и мной происходит контакт и завязывается разговор. Это почти дзен — общение через духовные токи. Соединение актера и зрителя через атмосферу — одно из наиболее выразительных средств нашего искусства.

Публике хорошо знакомы номера полунинского театра: объяснение интеллигента и жлоба, трогательный диалог Асися с дамой по телефону, миниатюра с одушевленным пальто... Правда, разговор Асися с дамой стал сдержаннее, короче и утерял сентиментальность. А прощальный жест рукава пальто поразил в самое сердце.

— Мой герой стал нервным, самозабвенным. Его поведение — всегда импровизация: неожиданная, сумасшедшая, трагичная. Я стараюсь делать вещи очень простые, близкие каждому. Мои темы — одиночество, игра, обида, непонимание. Они абсолютны для всего человечества.

Всю жизнь я иду к идеальному театру, который воплощается для меня в образе карнавала. О театрализации жизни мечтал Евреинов. Надеюсь, что театр со временем придет к своему идеалу и жизнь превратится в театр. Наше ежедневное существование станет праздничным. Жизнь предлагает множество прекрасных вещей. Но часто ее элементы не хотят сочетаться друг с другом. Когда-нибудь художники будут заниматься только тем, чтобы превратить нашу жизнь в театр — фантастичный и удивительный. На Венецианском карнавале я просто очумел. Все люди — актеры в грандиозной декорации города. Изумительные костюмы, нереальная атмосфера. Понятно, что всегда находиться в театре трудно, но стремиться к этому необходимо.

Вячеслав Полунин — редкий гость в Москве. Кажется, на май планируются его гастроли. Во всяком случае, свою премию «Триумф» он собирается потратить на финансирование спектакля «Дьябло», который делает в содружестве с Михаилом Шемякиным. Вместе они продумывают и проект для Валерия Гергиева в Мариинском театре — оперу Прокофьева «Любовь к трем апельсинам». Полунин путешествует по всему миру, работает с артистами, вливающимися в его труппу стихийно, — огромных размеров бразильской клоунессой, уличным мимом из Венеции. Считает своим учителем лучшего клоуна мира Джорджа Карла, живущего в Лас-Вегасе, который указал ему путь к метафизической клоунаде. Является президентом Академии дураков. Готовится к предстоящей в 2002 году театральной Олимпиаде.

— Все мы погружены в ежедневную жизнь. Вопрос в том, куда несутся наши мысли и мечты и как сильно они волочат нас за собой. Нами владеет повседневность. Но те, кто посвящает свою жизнь театру, немножко приподняты над землей.

Наталья КОЛЕСОВА

Вячеслав Полунин взирает на мир с металлического «Черепа» Михаила Шемякина, который художник изготовил как часть декораций к их будущему совместному спектаклю «Дьябло»